

За те несколько десятилетий, которые прошли с момента начала изучения творческого наследия Хармса, накопился большой материал: опубликованы все известные его тексты, написаны сотни статей, только за последние 5 лет вышло несколько серьезных монографий как о нем, так и об ОБЭРИУ. Сейчас уже нет необходимости доказывать кому бы то ни было отнесенность Хармса «первому ряду» русской литературы, но сохраняется задача осмыслить сделанное им, изучить генезис и синхронические связи его творчества, подробно прокомментировать опубликованный материал дневников и записных книжек.

В конференции участвовали филологи со всего мира, пишущие о Хармсе и его литературном окружении, исследователи русской литературы начала XX века и русского авангарда. За исключением коллег, которые не смогли по разным причинам прибыть на конференцию или не успели из-за перегруженности подготовить доклад, в Герценовском университете собралось действительно все, кто в последние десятилетия писал о Хармсе статьи и книги, публиковал и комментировал его тексты, переводил на разные языки. Впечатляет география: Россия была представлена от Санкт-Петербурга до Владивостока, иностранные участники прибыли из Франции, Швейцарии, Финляндии, США, Хорватии, Сербии и Черногории, Израиля, Италии. Три дня прошли в интенсивных и плодотворных обсуждениях докладов, в академические штудии органически вкраплялись шутки, ирония, юмор, без которых трудно было бы представить разговор о Хармсе.

Последний день конференции одновременно стал первым днем Хармс-фестиваля, начавшегося с красочного представления у дома 11 по улице Маяковского, где жил Хармс.

Сразу после конференции в поселке Поляны (Уусикирко) Ленинградской области прошла летняя школа по авангарду для молодых ученых. В настоящий момент к печати одновременно готовятся оба сборника.

О характере этих сборников помогут составить впечатление фрагменты вошедших в первый из них двух ярких статей: академика Вяч. Вс. Иванова (Москва — Лос-Анджелес) и профессора Михаила Мейлаха (Страсбург):

Египет амарнского периода у Хармса и Хлебникова: «Лапа» и «Ка»

«Прямую связь Хлебникова с Хармсом и вместе с тем заметные различия между ними можно, в частности, оценить, продолжая несомненное сравнение хлебниковского «Ка» (1915 г.; напечатано в 1916 г.) с «Лапой» Хармса (1930 г.), начатое при первых публикациях последнего текста в России. Оба писателя серьезно интересовались Египтом и читали посвященные ему научные и научно-популярные книги. Часть этих книг, которые отмечены в Записных книжках Хармса, совпадает с выявленными следами хлебниковских подготовительных чтений для «Ка». Не исключено, что Хармс, читавший по-немецки, мог познакомиться и с некоторыми из более новых египтологических публикаций, которые он не обязательно отмечал в своих записях. Он мог о них или о содержащихся в них открытиях услышать и от кого-то из ленинградских египтологов или чинарей, с ними знакомых. В отношении Хлебникова такой устный источник египтологических знаний открыт благодаря выявлению роли его знакомого Ф.В. Баллода. Вероятность такого же устного обсуждения египтологических открытий в отношении Хармса возрастает потому, что в это время в Ленинграде успешно действовал египтологический кружок и наряду с выдающимися учениками Тураева старшего поколения в нем участвовала и молодежь, увлеченная Египтом. Относительно Франк-Каменецкого, создавшего целую эпоху в изучении до-амарнского культа Солнца (в фиванский период), связи с чинарями особенно вероятны, потому что близкая к нему О.М. Фрейденберг несколько

В Петербурге выходит сборник работ, посвященных Даниилу Хармсу. В этом городе, где Хармс прожил практически всю свою сознательную жизнь, где писал стихи, драмы и прозу, создавал литературные группы (среди которых — знаменитое ОБЭРИУ), где он и погиб в феврале 1942 года в тюремной больнице, состоялась Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Даниила Хармса (1905–1942). Она проходила в Санкт-Петербурге с 24 по 26 июня 2005 года.

кими годами позднее была хорошей знакомой одного из обэриутов — Н. Олейникова и — предположительно — адресатом его стихов. Но еще интереснее то, что и Хлебников, и его последователь Хармс во многом по-своему реконструировали недостававшие им элементы древнеегипетской культуры, создавая на свой лад законченную ее картину. Отдельными своими чертами она скорее напоминает взгляды современных ученых, располагающих несравненно большим и лучше организованным материалом, чем те, чьи работы оба писателя могли использовать».

Вяч. Вс. Иванов.

Вокруг Хармса

«Начиная с середины 60-х годов, когда я стал работать над хармсовским архивом у Друскина, я встречался почти что с каждым человеком, знавшим Хармса, а таких людей было еще немало — со времени их гибели прошло всего четверть века. Некоторые из них — Алиса Порет, художник Борис Семенов и даже Харджиев, меуары презиравший, сами написали воспоминания, и сами они, и другие что-то о нем рассказывали. Харджиев, например, вспоминал, что Хармс, знакомя свою первую жену Эстер Русакову с друзьями, представлял ее как «самую глупую женщину». Он же рассказывал, что Хармс, культивировавший миф о том, что не любит детей, нарочито терроризировал своего маленького племянника, жившего в той же квартире. Помнил он и посещение вместе с Хармсом в Царском Селе его тетки Н.И. Колубакиной, при нем ему подарившей шкатулку или целый сундук полудрагоценных камней, которые тот быстро раздарил разным дамам. Сестра же ее, мать Хармса, по словам Т.А. Липавской, в последние годы жизни была настолько слаба здоровьем, что простужалась, выходя из комнаты в коридор. Художница Е.В. Сафонова рассказывала истории из времен, когда они были вместе с Хармсом в ссылке — о том,

как однажды он последовал примеру Грибуяла — персонажа французской басни для детей, известного тем, что, спасаясь от угрозы промокнуть под дождем, погрузился в озеро... Как-то раз Хармс ей сказал, что в знак протеста не станет больше мыться, пока его не освободят. В другой раз они вместе коротали время, и у них было на редкость плохое настроение. Раздался стук в дверь, и вошел почтальон, который принес им посылку — в ней оказалась буханка хлеба. Они ее съели и вскоре заметили, что настроение у них существенно улучшилось. — «Может быть, нам просто хотелось есть?» — заметил Хармс.

Хотя я знал Викторину Гольдину, которая дружила и с Липавскими, и с Хармсом, и у которой сохранилось много их фотографий, рассказ о шараде, популярной в ее семье, я услышал от знавшего ее Ю.М. Лотмана. Шарادا представлялась так: «большее-Вики» (руки поднимались над ее головой) и «меньше-Вики» (руки опускались ниже). К сожалению, в собрании параобэриутовских анекдотов, выпущенных впоследствии С. Шишманом, далеко не все истории являются подлинными: требуется специальная работа, чтобы отделить пшеницу от плевел. Впрочем, дело доходило и до включения современных доморожденных апокрифических текстов в авторские издания Хармса. Как пример подлинных анекдотов о Хармсе, приведу напоследок рассказ Я.С. Друскина о том, как отец попросил у сына что-нибудь почитать, тот дал ему «Аврору» Якова Бёме, а наутро отец вернул книгу со словами: «Не понял ни бе, ни ме». Или же рассказ А.И. Пантелеева о том, как Хармс, получив повестку в военкомат, оделся самым невозможным образом, подобно греческому философу, повязал голову платком — «чтобы мысли не улетали» — и придя по вызову, рассыпался в извинениях за опоздание, которое стал объяснять тем, что держал повестку «кверху ногами» и вместо 19-го числа прочел 61-е...

Особого рассказа заслуживает моя встреча с Мариной Малич, вдовой Хармса. О ней я слышал не только от Липавской и Якова Семено-

вича, но и от петербургских дам, которые с ней даже немного переписывались... Известно было, что, узнав о смерти Хармса в тюремной психушке, Марина Малич эвакуировалась из осажденного Ленинграда, на Кавказе оказалась в оккупации, была угнана на работы в Германию, а в конце войны, благодаря своему французскому воспитанию, прибилась к французам и попала в Париж, где нашла свою мать, покинувшую ее сразу после ее рождения, после чего уехала с ее мужем или другом, фактически — отчимом, в Венесуэлу и там держала книжный магазин (от Марины Владимировны я потом узнал, что это был магазин философско-мистической или, как говорили в семидесятые годы, «эзотерической» литературы). С конца 80-х годов, когда я стал ездить за границу, а потом поселился во Франции, я всячески пытался ее найти, но книжный магазин, адрес которого мне дали наши дамы, она к тому времени продала, а тогда я еще не знал, что она приняла имя своего второго мужа и стала Мариной Виши, то есть Вышеславцевой, а в третьем браке — Виши де Дурново.

В 1996 году, когда я несколько месяцев жил в Нью-Йорке, я прослышал от Матвея Янкевича, что с ней каким-то образом познакомился физик и правозащитник Юрий Орлов, которому я немедленно позвонил, и он рассказал мне следующую историю. Как-то раз он поехал отдохнуть на остров Гранату (один из Антильских островов, который, кстати, незадолго до того чуть было не прихватили Советы — выручил американский десант). Там он случайно увидел в витрине антикварного магазина набор столового серебра с русскими монограммами и, удивившись, спросил хозяйку о его происхождении (ту же историю я услышал спустя два года от самой этой дамы, когда, живя в Кайенне, ездил на этот остров). Та ответила, что серебро принадлежит ее русской приятельнице, приехавшей к ней погостить из Венесуэлы, а узнав, что он русский, ей его представила — это была Марина Малич. Орлов дал мне ее телефон, и несколько минут спустя я уже слушал в трубке безошибочно узнаваемую, так хорошо мне знакомую старую петербургскую речь, какой уже не бывает. Она пригласила ее навестить — «хоть всей семьей — у меня много места», но когда, получив венесуэльскую визу и найдя подходящий рейс (что заняло, наверное, недели две), я позвонил ей снова, чтобы назвать день прилета, она несколько смущенно мне сказала, что вскоре после моего первого звонка ее разыскал некто Глоцер, который, узнав о моем предстоящем приезде, заявил, что должен у нее побывать, и непременно раньше меня (как будет видно из дальнейшего, он жестоко ошибся — ему, по принципу смеющегося последним, как раз следовало приехать не до, а после моего визита). Нашел он ее, как рассказывала потом Марина, через какого-то русского художника, выставившегося в Венесуэле, кажется, талантливого и, вероятно, не знавшего, что выставки в этой стране устраиваются для отмывания нарко- и нефтедолларов. Зная страсть Глоцера к сутяжничеству и предполагая, что он, дабы заблокировать издания не только Введенского, но и Хармса, будет стараться получить у Марины такую же доверенность на распоряжение хармсовскими авторскими правами, какую он получил от пасынка Введенского, я позвонил в Москву общему знакомому и попросил Глоцера передать, что если застану его в Венесуэле, то повешу на первой же пальме. Он, действительно, уехал в день моего приезда — разминувшись мы всего на несколько часов, и догадка моя, конечно, подтвердилась. Марина, которой непонятны были притязания назойливого незнакомца (да и за корыстью она не гналась), с удивлением показала мне целые списки документов, которые Глоцер, видимо, заранее посоветовавшись с адвокатом (да и сам будучи по образованию советским юристом, а отнюдь не филологом), просил ее подготовить, — в них перечислялись свидетельства о рождениях, браках и разводах. Эти списки мы с Мариной, хохоча, выбросили в помойку».

М.Мейлах.